

Паваротти

Робин ЭГГАР

За рубежом. - 1998. - 7-13 авг. - с. 14, 15

«ТАЙМС МЭГЭЗИН», ЛОНДОН.

Три тенора

ПЛАСИДО ДОМИНГО кидается к стоящему у окна кабинетному роялю «Бекштейн»: «У меня идея!» — и тут же что-то шепчет пианисту Биллу Хиксу. Тот, кивнув, быстро перебирает стопку нот и, едва прикасаясь, пробегает пальцами по клавишам. В полный голос и с затаенной страстью Доминго начинает петь: «Идя сквозь бури, не вешай головы». Слова такие знакомые — и такие нездешние.

А Хосе Каррерас подхватывает: «И не бойся тьмы» — и, не в силах сдерживать чувства, широко раскидывает руки. Звуки льются с такой силой, что, кажется, дрожат картины на стенах. Доминго манит пальцем Лучано Паваротти, который в одно движение присоединяется к поющим, лаская каждое слово, будто именно в нем особый смысл, и выстраивая строку за строкой. Затем они вместе поют: «Вперед, вперед с надеждою в душе! Илти один ты никогда не будешь!»

Это не выступление, не репе-

ти -
ция. Их голоса обволакивают помещение, паря над тишиной, заполняя все вокруг и заставляя переходить на шепот. Стройная девушка с волосами цвета воронова крыла, принесшая отуженный для вечера смокинг Паваротти, стоя в дверях, в полном смысле слова замерла, хотя не раз слышала эту вещь. Хотел бы я знать, смог бы хор ангелов спеть лучше.

Если не считать вида из окон на Центральный парк, который уходит так далеко, что неведомо, где кончаются деревья и начинается Гарлем, ничто не говорит, что здесь обитает мультимиллионер. Парадная комната манхэттенских апартаментов Паваротти выглядит довольно скромно. Рояль, стеллажи с фотографиями и наградами, письменный стол в дальнем углу, заваленный бумагами, и большая софа рядом с дверью. И еще люди... Много людей...

Вокруг стола в креслах из черного лакированного бамбука —

трио теноров плюс американский дирижер Джеймс Левин и концертный импресарио Тибо Рудас. Перед каждым — куча нот. За роялем — Хикс, «автоматический проигрыватель» в человеческом облике, взятый на время из Метрополитен-опера. Йон Макларен, правая рука Рудаса, восседает на софе, он записывает идущий разговор. Время от времени, вскочив, проигрывает на портативном стерео какую-нибудь музыкальную вещь.

Квартира набита сувенирами, призами, подарками. На стенах миниатюрные портреты и гравюры композиторов в рамках вместе с их подлинными письмами и фрагментами произведений. Среди них письмо Пуччини к dame сердца, в котором он пишет: «Отчаянно скучаю по тебе, но когда думаю о тебе, пишу свою лучшую вещь». Речь — об опере «Турандот», арию из которой — *Nessun Dokma* — Паваротти навсегда включил в свой репертуар в 1990 году. Это письмо — подарок певцу от Николетты

Мантовани, его возлюбленной. Повсюду фото, на которых Пав (так его обычно называют) с Николеттой и друзьями-звездами. Сэр Элтон Джон и Боб Хоуп обмениваются рукопожатиями, Хиллари Клинтон, Боно, Лучано в объятиях принцессы Дианы. Здесь же шаржированный автопортрет Энрике Карузо, фотография Джона и Джеки Кеннеди с автографами. А скульптура Паваротти в три фута высотой навеки запечатлела в бронзе образ артиста, она обращена к застекленному полкам, изнемогающим под тяжестью антикварных Будд и различных наград и подношений.

На стене позади стола гравюра Центрального парка, по соседству — сценка из итальянской городской жизни, явно написанная способным художником-любителем. «Нравится?» — спрашивает Паваротти. — Сам рисовал». Рудас энергично кивает головой и дает мне понять, что ставит ее. Пав буквально сияет от удовольствия.

(Окончание см. стр. 14-15).

(Окончание. Начало см. стр. 1).

В просторном холле, с которого начинается эта обитель, — портрет Мантовани в полный рост кисти Нельсона Шанкса. Сразу понимаешь, что это сплошная лесть, нечто вроде того, когда юную дочку по заказу отца рисуют как самую невинность. На Николетте яркое, цветастое платье, с одного плеча спустилась бретелька, и такой милый шегольской локон. Однако 28-летняя фея вовсе не столь уж наивна, как может показаться. Она буквально, хотя и незримо, царит здесь — стеллажи с марочными итальянскими винами покрылись слоем пыли, ведь Николетта запретила другу сердца притрагиваться к спиртному.

Чтобы собраться вместе, присутствующим здесь понадобилось три месяца. Скоординировать графики выступлений — тоже искусство. Обсуждался репертуар самого грандиозного летнего концерта под открытым небом, небывалого в истории классической музыки всех времен. Бесплатное выступление трех теноров решено было провести в Париже у Эйфелевой башни 12 июня, за два дня до финала Кубка мира по футболу, — это миллионная аудитория присутствующих на концерте плюс полтора миллиарда телезрителей в 120 странах. На парижском концерте публика должна была услышать новый репертуар — на французском, итальянском, испанском, португальском, немецком, английском языках.

У сидевшей за столом в апарта-

ментах на Манхэттене пятерки от рождения разные родные языки. У Каррераса — каталонский, у Рудаса — венгерский. Переговоры же и споры обычно звучат на английском. Бывает, у Паваротти не хватает английских слов, и тогда остадные теноры без труда переходят на итальянский.

Характеры всех троих — богатнейший материал для изучения человеческих контрастов. Приветливый гигант Паваротти, стремящийся создать впечатление, будто ему еще нет 62. Чрезвычайно эмоционален,

Три тенора

отчаянно хочет и требует, чтобы его любили все. Это Марио Ланца наших дней, поп-звезда, он жаждет скинуть путы лишь оперного репертуара, ибо для него есть единственный критерий — «хорошая или плохая музыка».

Впечатляющие от природы физические данные, которые помогли Пласидо Доминго обрести репутацию самого блестящего тенора в своем возрасте — ему 57 лет, начинают несколько сдавать. Но не обаяние, нет. По части флирта он великий мастер, и с феноменальной энергией. Истинный трудолюбив, Доминго изъездил весь свет, он и поет, и дирижирует. У него нет эксклюзивных контрактов ни с одной из звукозаписывающих компаний, ибо он не желает зависеть от кого бы то ни было.

И, наконец, Каррерас — бэби в

свой 51 год. В трио он — веселый, мастер по разрядке взрывоопасных ситуаций, своего рода транквилизатор. Без Каррераса трио не возникло бы. В 1988 году ему поставили диагноз — лейкемия, и хотя диагноз не подтвердился, певец был фактически сломлен. Первый концерт «тройки» в рамках программы «Рим, 90» состоялся в римских банях Каракала, его провели, чтобы собрать для Каррераса сколько-нибудь денег. «Не

попадаю он в беду, я никогда не согласился бы на этот цирк с трио», — говорит Паваротти, объясняясь по-английски с трудом, поскольку волнуется.

Каррерас — небольшого роста щеголь, и, видно по всему, наслаждается вновь обретенной жизнью.

— Раз я, можно сказать, дважды родился на свет, то ценю жизнь, пожалуй, чуть больше других, — считает он.

Если Каррерас соединит всех троих, то не даст им разбежаться футбол.

— Эти парни способны поубивать друг друга из-за футбола, — говорит Рудас, — особенно Хосе и Лучано. Оба помешаны на своих любимых командах (испанской и итальянской).

Для тройцы не существует противоречий между массовым спортом и высокой культурой. В дет-

стве воскресные дни в Мехико проходили для Доминго по раз и навсегда заведенному порядку.

— С утра — футбол, в 4 часа дня — бой быков. После этого иду в театр на две сарасуэлы (испанский национальный музыкально-драматический жанр, близкий к оперетте. — Ред.), там выступали мои родители. Связь между футболом и театром была в моей жизни всегда.

Говорит Паваротти:

— В Италии первый подарок новорожденному — мяч. У нас в доме не было ни ружья, ни других каких-либо игрушек, поэтому я играл в футбол. Был вратарем до 11 лет, пока не перешел на настоящее футбольное поле. Тогда пришлось покинуть ворота, они были слишком велики для меня. Очень быстро бегал и играл и на левом, и на правом крае. Был страшно груб, не очень «эквilibrium» («Как это по-английски? Уравновешенный?»). Если меня на поле толкали, спуска не давал, и судья тогда фиксировал нарушение правил.

Фанатичный болельщик «Барселона» Каррерас:

— Будь у меня еще одна жизнь и стань я футболистом, из меня, наверно, получился бы кто-то вроде Марадона, Джорджа Беста или Пеле. Мне нравилось бы быть лидером на поле, но нынешняя моя профессия приносит мне такое удовлетворение как человеку и певцу, которого один футбол не дал бы...

До появления поп-певцов и кинозвезд о вызывающем поведении оперных знаменитостей слагили легенды. Ни у кого из троих

теноров нет своей «свиты», то есть прихлебателей, которые постоянно вьются вокруг и якобы охраняют их от окружающего мира. Паваротти путешествует с Мантовани, Каррерас — в сопровождении своего секретаря Лэрри Кремера, Доминго — всегда один. Обращая друг с другом они вполне официально, и, возможно, именно благодаря этому им удалось преодолеть свойственное этой среде профессиональное соперничество, в свое время имевшее место, в частности, между Паваротти и Доминго.

— Об этом мы читаем и по сию пору, а вы будете читать и тогда, когда нас обоих уже не станет, — рассуждает Паваротти. — Мы антиподы, но на сцене — единое целое и потому самой логикой жизни вынуждены любить друг друга. Тесное общение помогает лучше узнавать друг друга и, разумеется, слушать коллег — это прекрасно.

— Чего только не плели про нас, — вздыхает Доминго. — Иной раз журналист, разве что похуже или получше, такого насочиняет...

— Эта тема дебатировалась неоднократно, — прерывает его Каррерас, — однако до конца еще далеко не исчерпана. Я не третий судья. Да от меня этого и не требуется. Могу лишь заверить вас, что дружба, уважение, восхищение, которые мы питаем друг к другу, совершенно искренни. Это доподлинная правда, иначе никто и ничто не свело бы нас воедино, не заставило выйти на сцену и запеть в один голос.

— Мы одна команда, — подтверждает Доминго. — Нам незачем

пререкаться из-за того, кому бить по воротам. И потому выигрываем мы все.

Бизнес трио — это воистину большой бизнес. Записи «живьем» их концертов в Каракале и на стадионе «Доджерс» разошлись соответственно в количестве 14 и 11 миллионов экземпляров. Но, как у Майкла Джексона или «Роллингстоунз», каждое новое выступление должно, точнее, обязано быть еще более эффектным. То, что задумывалось как камерный концерт в древних римских банях, рассчитанный на 8 тысяч слушателей, в Лос-Анджелесе собрало уже 80-тысячную аудиторию, а в Париже — и весь миллион.

С 1996 года три тенора дали 10 концертов на стадионах больших городов мира. Неважное качество звука вкупе с высокими ценами на билеты оставили у многих неприятный осадок. Оформление же и постановка обошлись дешево, в чем и убедилась публика, которая ныне желает за свои деньги иметь должный антураж.

В роли импресарио выступал Маттиас Хоффман, сделавший себе имя на крупных рок-шоу в Германии, прежде чем взяться за организацию концертных турне для Каррераса и Доминго. С виду смахивающий на баварского мясника, приземистый, плотный — и с соответствующими манерами, — он в настоящее время пребывает в мангеймской тюрьме в ожидании суда по обвинению в налоговом мошенничестве на сумму в 3,3 миллиона фунтов стерлингов. Рудас упорно твердит, что теноры тут абсолютно ни при чем.

— Я сделал ошибку, передав финансовые дела в Германии этому молодому человеку, — говорит Рудас, — он такого наколбасил, что я предупредил: «Когда все кончится, больше иметь с вами дел не стану». Ведь это нанесло урон презентации трио теноров. Не думаю, что дело только в жадности, в некоторых местах интерес к ним был настолько велик, что импресарио решили: можно потребовать сколько заблагорассудится. Бесплатный парижский концерт, возможно, будет иметь положительное значение.

Три тенора, быть может, не такие уж ярые противники рекламы, паблисити. При этом признают свою весьма и весьма значительную склонность к конкуренции.

— Они очень интересуются всем, что делается вокруг, пока идет концерт, кто и как кого из них принимает, — делится впечатлениями Рудас. — Каждый наблюдает за реакцией аудитории, когда поет другой. Не столь важно, насколько они любят друг друга и какие они друзья, но когда один слышит, что другой поет просто фантастически, у него одна мысль: «Я должен превзойти его».

Лишь с относительно недавних пор оперные спектакли, которые обычно могли слушать с комфортом лишь избранные и богатые, нашли дорогу к массовым аудиториям. Левин вспоминает, что рос в атмосфере эстрадных телевизионных шоу, где вперемежку давали и Яшу Хейфица, и Элвиса Пресли, и Боба Хоупа, и сцены из «Кармен».

Певцы всегда рассчитывали на концерты, однако нашу троицу теноров постоянно критикуют, утверждая, что их выступления — дойная кассовая корова, которую принимают за жанр высокого искусства.

— Мы не выдумываем ничего нового, — считает Паваротти. — А выделяемся на общем фоне лишь потому, что есть телевидение и есть медиа, средства распространения рекламы, подающие нас в привлекательном свете, вызывая к нам интерес у множества людей. Так что ничего мы не принижаем. Карузо додумался до этого раньше нас. Что же касается моего личного выбора, я предпочитаю выступать втроем, а не давать сольные концерты, потому что наши выступления каждый раз связаны с каким-нибудь событием и для меня это — волшебный момент.

Тройка теноров начиналась, кстати, как дуэт — в стремлении помочь Каррерасу встать на ноги, о чем говорилось выше. Сегодня у трио уже есть и свои памятные даты, и свое наследие. Неудивительно, что каждый сердится на неумолимое время (но делает это очень интеллигентно) — за то, что оно бежит столь быстро. Настанет день, когда три «Голоса» умолкнут. С Паваротти это может случиться раньше, чем ему хотелось бы, ему уже становится все труднее исполнять целую оперу.

— Я брошу петь, лишь когда достигнет физическая немощь, когда не останется Голоса, — говорит он.

Каждый из троих говорит о своем голосе как о неком живом существе. По словам Паваротти, его 86-летний отец и поныне поет в церкви. «И я всегда вспоминаю его, когда пою».

— Мы тоже, — шутит Доминго, у него есть альтернативная профессия дирижера, и потому вперед он смотрит веселее. — Это превосходно, скажу вам. Мне бы хотелось попеть еще несколько лет, но если Господь скажет прямо сейчас: «Пласидо, все», — я буду ему навек благодарен за то, что он отпустил столько времени, чтобы звучал мой Голос.

Каждый из троих в разное время говорил, что свой последний «гол» он забьет в 2001 году. Наверно, в Париже их последнее «Ура» вместе?

— А вы знаете, как мы делаем в Италии, — мгновенно реагирует Паваротти, вытягивая указательный палец и мизинец правой руки, — чтобы отвести дурной глаз? Смеетесь? Мы стараемся втолковать вам, какая это радость для нас — петь втроем. Неужели вы и впрямь думаете, что Париж — это финал? Надеюсь, нет.

— На счастье, мы всегда говорим: «Это — предпоследний», — добавляет Доминго. — Каждое выступление предпоследнее.

— К тому же, — это снова говорит Паваротти, — наш менеджер уже обдумывает, что мы будем петь втроем на чемпионате мира в Токио и Корее в 2002 году. Но это — секрет.

— Не исключено, — смеется Каррерас, — что в 2001 году мы поедем в ... Англию.